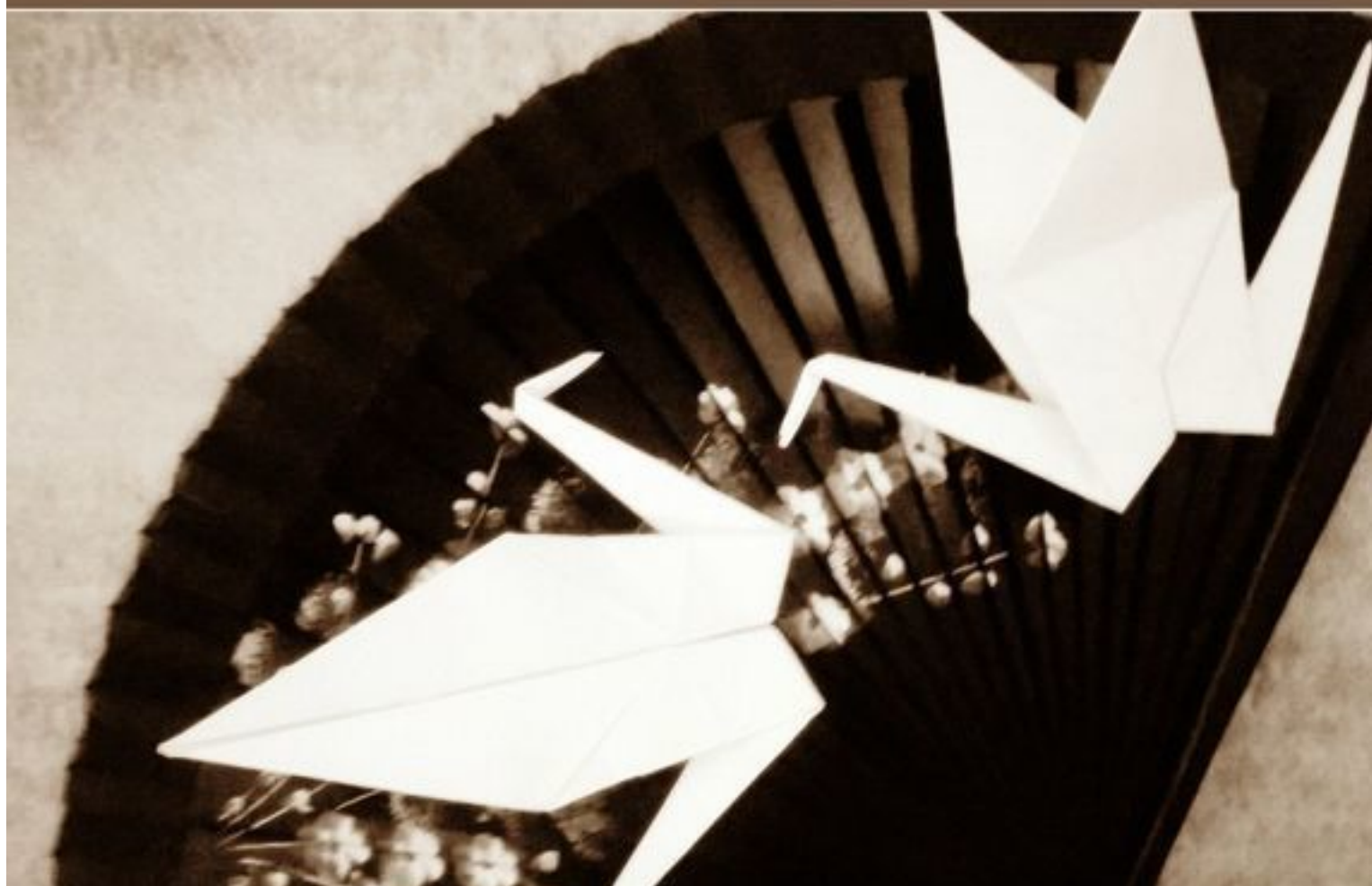

Александра Флид

*Сеул —
Хиросима.
Август 1945*

Александра Флид

Сеул – Хиросима. Август 1945

«Издательские решения»

2015

Флид А.

Сеул – Хиросима. Август 1945 / А. Флид — «Издательские решения», 2015

История любви японского офицера и корейской студентки. Родившаяся из ненависти, эта любовь оказалась крепче предрассудков, цепей и военных законов. Она пережила огненный смерч ядерного взрыва и десятки лет разлуки.

© Флид А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сеул – Хиросима. Август 1945

Александра Флид

© Александра Флид, 2015

© Ольга Флид, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Солнце стоит в зените, и Гён Ран кажется, что оно уже никогда не сдвинется с места. Девушка идет по пыльной дороге, перекинув через плечо наполовину заполненный её немногочисленными пожитками полотняный мешок. Босые ноги обжигает раскаленная, кажется, добела дорожная пыль, которая взмывает вверх всякий раз, когда мимо проезжает машина. Гён Ран молчит и терпеливо шагает по обочине, зная, что скоро все это закончится.

Летние каникулы длятся всего два месяца, и она не уверена в том, что сможет утолить свою тоску по дому за такое короткое время. Однако большего просить не приходится – учеба отнимает слишком много времени, и, как утверждает мама, принесет в будущем гораздо больше пользы, чем кажется сейчас.

Какой смысл в том, чтобы учиться на медсестру? Гён Ран слышала о том, что в лазаретах, где проходят лечение военные, медсестрой может стать любая девушка-доброволец, нужно лишь подписать пару бумажек – и вопрос решен. Зачем исписывать тетради и полировать учебники, если можно сразу приступить к работе, за которую еще и денег заплатят? Гён Ран всего восемнадцать, и она не понимает, как много значит хорошее образование.

Встретит ли ее малышка Ин Су? Сейчас слишком жарко, в такое время сестренка не выходит из дому, но Гён Ран хочется верить, что Ин Су встретит её первой. Тогда она сможет отдать ей свой подарок, не попавшись при этом матери. Для того чтобы купить стеклянный шарик с тремя бабочками внутри, Гён Ран пришлось две недели во всем себе отказывать. Но не могла же она заявиться домой без подарка!

Пользуясь тем, что до дома ещё далековато, девушка останавливается посреди дороги, спускает с плеча мешок и развязывает шнурки, стягивающие края. Вот он, её подарок для младшей сестренки. Красивый шарик из белого прозрачного стекла. Внутри идеально гладкой сферы перекатываются искусственные бабочки. Их крылья переливаются на солнце, и Гён Ран даже прищуривается, пытаясь получше их разглядеть. Понравится ли такой подарок Ин Су?

Когда она привозит домой подарки для Мин Хо, мать ничего не говорит, только хмурится и качает головой. Зимой Гён Ран привезла ему книгу по зоологии, а для Ин Су захватила японский бумажный веер из лаковой васи¹, привезенный, по утверждениям продавца, из самой Хиросимы. Тогда-то Гён Ран и поняла, что матери не нравится, когда она привозит подарки для младшей сестры.

Остаток дороги проходит легче, так как Гён Ран погружена в свои мысли и забывает обо всем на свете. Родной поселок лежит в низине, и ей часто кажется, что случись паводок, то их дома затопит в первую же очередь. Домик, в котором она выросла, стоит у самой кромки посёлка, там, где его не каждый заметит. Небольшое строение с покосившейся крышей и крохотной пристройкой для летней кухни.

«Отец умер всего два года назад, а дом уже превратился в развалину», – с горечью думает Гён Ран, толкая ветхую калитку своего дома.

К счастью, Ин Су сидит на крыльце, играя ровно обструганными палочками и напевая какую-то песенку. Девочка не сразу замечает свою сестру, но едва увидев, сразу же вскакивает с места и летит к ней навстречу, раскрыв объятия. Младшую сестру Гён Ран любит больше всех на свете.

– Тихо, тихо, не кричи. – Она едва успевает приложить палец к губам, прежде чем Ин Су с радостными криками налетает на нее, с разбегу обняв руками и ногами.

– Сестра приехала! – восторженно визжит малышка, будто рассказывая кому-то о своей радости.

¹ Васи – японская бумага ручной выделки.

Пока из дому не показалась мать, Гён Ран наскоро сбрасывает на землю мешок и достает из него свой подарок, не забывая придерживать повисшую на ней Ин Су.

– Это тебе, – шепчет она, вручая ей стеклянный шарик.

– Как красиво! – заливается радостным смехом девочка и несколько раз целует старшую сестру в щеку.

Ин Су всего пять лет. В прошлом году она сильно болела, но Гён Ран не могла о ней позаботиться, так как ее ждала учеба в Сеуле, и малышка перенесла свою пневмонию без должного ухода. С тех пор Гён Ран боится, что болезнь вернется с новой силой и заберёт малышку навсегда.

Конечно, мама всё равно узнает о том, что она привезла Ин Су подарок, просто Гён Ран не хочется, чтобы она своим хмурым лицом портила сестрёнке настроение. Она хорошо помнит, как это было в прошлый раз, когда радостная улыбка на лице Ин Су исчезла как по мановению волшебной палочки, словно её и не было. И лаковый веер был уже не в радость.

Дверь открывается, и появляется мать Гён Ран, а следом за ней выходит и заметно подросший Мин Хо.

– Ин Су, слезь с сестры, – командует мать, и малышка тотчас же сползает на землю, боясь перечить.

Женщина украдкой бросает взгляд на стеклянный шарик, но на этот раз не говорит ни слова.

– Мама, я вернулась, – отчаянно пытается улыбнуться Ген Ран.

Она, не спеша, подходит к матери и обнимает ее за плечи. Для этого ей приходится наклониться, так как за эти месяцы мать, кажется, стала еще меньше, чем прежде. Женщина обнимает старшую дочь в ответ и даже позволяет себе всхлипнуть. Всего один раз. Надеясь, что никто не услышит.

За матерью наступает очередь Мин Хо. Он уже достаточно высокий, для своих девяти лет выглядит совсем взрослым и крепким. Гён Ран крепко обнимает братишку.

– У меня и для вас подарки есть, – радостно объявляет она, снова запуская руку в мешок. – Для мамы шёлковый отрез, а для Мин Хо набор новеньких хрустящих карандашей и большая тетрадь в сто листов.

После ужина Ген Ран наскоро купается на заднем дворе под тряпичным навесом, который кое-как защищает от случайных взглядов соседей, а потом возвращается на свое место, где проспала первые шестнадцать лет своей жизни. Раньше мать и отец спали в другой комнате, но теперь там укладывают Мин Хо, а все женщины лежат в той, что раньше считалась детской.

Пока дети собираются спать, мать шёпотом отчитывает старшую дочь.

– Почему ты привозишь Ин Су такие дорогие подарки? Наверное, тетрадь для Мин Хо обошлась раз в десять дешевле, чем этот бесполезный стеклянный шарик.

– Ин Су ведь у нас девочка, – осторожно отвечает Гён Ран. – Ей нужно что-нибудь красивое, а такие вещи стоят немного дороже. Ничего страшного, моя стипендия цела, я привезла её домой, так что завтра же сходим на рынок и купим целый мешок риса. Я смотрю, в рисовом сундуке уже вовсю дно сверкает, стоит только крышку открыть. Вы, наверное, впроголодь жили.

– Конечно, стипендию ты откладывала, – ворчит мать. – А все деньги на этот проклятый шарик прямо с тебя слезли. Кожа да кости остались. Сахар-то ты хоть покупала?

– Иногда, – уклончиво отвечает Гён Ран.

– И почему ты тратишь деньги на безделушки, когда тебе самой нужно хорошо кушать, чтобы учиться?

– Я не могу есть сахар, когда они голодают. Лучше уж привезти им подарки, хоть все вместе порадуются.

– Все дети как дети, одна ты у меня такая странная, – продолжает брюзжать мать.
Гён Ран прикрывает глаза и улыбается. Она знает, что в глубине души мать гордится ею.

На следующий день Гён Ран встаёт ни свет, ни заря, думая о том, что нужно собрать тележку и отправиться на рынок за рисом, а может быть и поспрашивать у соседей, не продаст ли им кто-нибудь мешок из прошлогодних залежавшихся запасов. Хотя, какие могут быть запасы? Люди сильно обеднели за годы войны.

В городе она слышала, что там, в Европе, война уже закончилась. А здесь, на Востоке, горький военный дым застоялся, как в безветренную погоду. Никаких изменений.

Гён Ран тянет руку, чтобы разбудить мать, но обнаруживает, что её место уже пустое. Обычно мать встает чуть позже, но, может быть, за это время что-то изменилось?

Она выходит во двор, чтобы набрать себе воды для умывания, и в этот момент из летней кухни выходит мать. В руках у неё большая чашка с варёным рисом.

– Иди на задний двор, – говорит женщина, прежде чем занести еду в дом.

Гён Ран удивляется тому, что мать приготовила так много. Их ведь всего четверо, двое ещё совсем маленькие. Куда им столько еды?

Вместо того чтобы послушаться, она идёт следом за матерью. Гён Ран оглядывается, но, к своему удивлению, не обнаруживает ни матери, ни чашки с рисом. В голову закрадываются подозрения, и она обходит весь дом, стараясь не потревожить спящих малышей. Решив проверить все варианты, она тихонько прокрадывается в ту комнату, где спит Мин Хо. Из неё можно пройти в крохотное помещение, где находится нижняя дверь или, попросту говоря, люк.

Так и есть – деревянная крышка откинута в сторону. Гён Ран не раздумывает ни секунды, сразу же опускаясь в зияющее отверстие в полу.

Она и забыла, какие крутые здесь ступеньки. В погребе горит свеча, отбрасывая кривые тени по земляным стенам. Гён Ран знает, чего ожидать, и потому, увидев трёх взрослых мужчин, несколько не удивляется.

– Ты зачем сюда явилась? – напускается на неё мать, оставив чашку с рисом на полу.

Не сказав ни слова, Гён Ран поднимается по лестнице. Мать идёт следом. Заметив, что мать хочет закрыть люк, девушка холодно бросает:

– Оставьте, пусть погреб проветрится хотя бы с полчаса.

Поход на рынок отменяется. Гён Ран сидит на заднем дворе и крутит в руках пустой кувшин.

Как мать могла поступить так неразумно? Как можно прятать партизан в своём доме, где живут маленькие дети? Разве мать, которая желает добра своей семье, будет так рисковать?

Через некоторое время к ней подходит умытая и улыбающаяся Ин Су.

– Сестра, разве ты не будешь завтракать? – тянет она своим низким приятным голосом, и при этом жутко напоминает медвежонка.

Короткая чёлка намочла и прилипла ко лбу. Глазки бусинки доверчиво смотрят на старшую сестру. Полные красные губы ожидающе приоткрыты. Жаль разочаровывать такую куколку, но Гён Ран знает, что не сможет проглотить ни кусочка.

– Я не хочу, – вздыхает она, поглаживая малышку по волосам. – Скажи маме, что я не буду завтракать.

Как и следовало ожидать, чуть погодя на заднем дворе появляется мать.

– Почему ты так себя ведешь? – хмурясь, спрашивает она.

– Вы должны убрать их из нашего дома, – вместо ответа решительно говорит Гён Ран, поднимаясь с низкого деревянного стула. – Их здесь быть не должно.

– Тебе ли судить, что я должна делать со своим домом? – уже не на шутку сердится мать.

– Вы разве не слышали, что японские управляющие обыскивают дома в поисках партизан? Что будет, если они найдут их в нашем доме?

– Не указывай мне, что делать. – Несмотря на ровный голос, мать переполняет злоба, и это заметно.

– В Сеуле каждый день расстреливают горожан, у которых хоть листовку найдут, – продолжает Гён Ран, не обращая внимания на слова матери. – А какие пытки они придумали, если бы вы знали. С людей чуть не живьем кожу снимают. Детей, конечно, не мучают, но расстреливают, как и всех остальных.

Хлёсткая пощечина обжигает щеку, и Ген Ран умолкает на полуслове. Верный признак того, что матери нечего сказать.

– Завтра же переселю их в лесной домик, – несмотря ни на что шипит девушка, не заботясь даже о том, чтобы приложить руку к покрасневшей коже.

– Там они уже жили. Целый год там промучились, а потом их нашли, благо хоть не врасплах застали. Их пятеро было, а осталось всего трое. Хочешь, чтобы и этих убили?

– Я хочу, чтобы мои братик и сестренка дожили до конца этой проклятой войны, и только то. – Гён Ран прищуривается и качает головой. – Так значит, они уже целый год у нас скрываются? И много они японцев за это время убили?

Дождавшись, когда мать уйдет на поле, Гён Ран спускается в погреб. Мужчины уже готовы к встрече с ней. Они зажигают свечу и рассаживаются на полу, ожидая её.

– Вы должны уйти, – твёрдо заявляет она.

Их лица почернели от постоянных тревог, затхлого воздуха и земляной грязи. Стены и пол погреба ничем не облицованы, и они постоянно находятся в сырости и духоте.

– Мать сказала, что вы уже жили в лесном домике, так что сможете ещё несколько недель там пережить, прежде чем я найду вам другое убежище, – продолжает она. – Как только стемнеет, я приду за вами.

Впервые за всё время один из них начинает говорить. Его голос хриплый и тихий, словно застывший от долгого молчания.

– Мы можем уйти только завтра. Сегодня ночью мы и ещё две группы должны подорвать японский состав на железной дороге, а из лесу до места встречи слишком долго добираться.

– Мне всё равно, что вы там задумали, – обрубает его речь Гён Ран.

Хотя они и сидят целыми днями в холодной и сырой комнатёнке, они все равно сильнее, чем восемнадцатилетняя пигалица, которая только вчера явилась из Сеула. Гён Ран чувствует, как по спине пробегает неприятный холодок.

«Дочь хозяйки никто из них ударить не посмеет» – пытается успокоить себя она.

– Сестра, сестра! – раздается сверху взволнованный голос Ин Су.

– Подожди минутку, – выкрикивает Гён Ран, поднимаясь по лестнице.

Повстанцы подождут ещё немного. Тем более что наверху, прямо в этой маленькой тёмной комнатке её ждёт японский офицер.

Идеально прямая осанка, до блеска начищенные сапоги и идеально отглаженная форма – японец выглядит весьма серьезно. Руки незнакомец держит за спиной.

– Вы Хон Ёнг Хи? – на идеальном корейском спрашивает он.

– Нет, я Хон Гён Ран, – отвечает девушка, украдкой бросая взгляд на незапертый люк. – Я её старшая дочь.

– Меня зовут Шуго Кавада, – вежливо представляется он, прежде чем продолжить расспросы: – Вы совершеннолетняя? Сколько вам лет?

– Восемнадцать, – сама не слыша своего голоса, отвечает Гён Ран.

– Значит, вашего присутствия вполне достаточно. Боюсь, я должен осмотреть ваш дом. И, пожалуй, начну с этого подвального помещения.

Глава 2

Так страшно Гён Ран еще никогда не было. Что делать? Броситься на колени, умоляя о пощаде? Перегородить ему дорогу, встать на пути и закрыть хлипкую деревянную крышку? Попробовать обмануть?

Делать нечего – придётся смириться с этим. Гён Ран послушно отходит в сторону. Ничего изменить нельзя – всё равно он пришёл не для того, чтобы уйти с пустыми руками. Только бы мать не возвращалась в ближайший час. Офицер удивлённо смотрит на неё, прежде чем отлаженным движением выхватить табельное оружие из кобуры и двинуться в сторону погреба.

В дверном проёме показываются ещё три человека званием пониже. Очевидно, они всё это время были снаружи, а теперь поняли, что нужно помочь капитану Каваде. Один из них что-то выкрикивает на японском, но капитан делает небрежный жест рукой – мол, сам справлюсь.

Тяжёлые сапоги глухо стучат по ступенькам, отсчитывая удары сердца Гён Ран, застывшей над люком в напряженном ожидании. Надеяться не на что. Внизу гремит посуда, раздаются крики, и трое японских солдат бросаются к люку, влетая внутрь погреба следом за своим капитаном. Повстанцам и убежать некуда – подвал, считай что, чистая ловушка. Нет окон, чтобы выскочить наружу, нет забора, через который можно перемахнуть и унести ноги прочь. С ними все ясно – их выведут во двор и расстреляют прямо на глазах у...

Гён Ран сбрасывает оцепенение и выбегает в переднюю комнату, подзывая младших.

– Мин Хо, – шепчет она, хватая братика за руку – бегите к соседке, к той что живет за забором заднего двора. Прямо сейчас бегите и не оглядывайтесь.

Ин Су сразу же морщит крошечный носик, и её щеки краснеют.

– Не пойдём без тебя, – скорчив плаксивую гримасу, начинает причитать она. – Никуда без тебя не пойдём.

Гён Ран больно сжимает руку Мин Хо, глядя прямо ему в глаза, и, сквозь зубы, отпечатавая каждое слово, повторяет:

– Я сказала, бегите к соседке. Если не послушаетесь, живо шкуру спущу.

Дети не боятся тех, кого не знают. Мин Хо ещё не приходилось терпеть побоев от солдат, и он даже представить себе не может, как это больно, а вот от Гён Ран в прежние годы ему частенько доставалось. Характер у старшей сестры выдался на редкость суровый, так что ему хорошо известно, как больно могут сделать эти слабые на вид белые тонкие руки. Услышав последние слова, Мин Хо хватает младшую сестренку за руку и опрометью бросается на задний двор, не догадавшись, что можно выйти через калитку и обойти по дорожке. Гён Ран точно знает, что там, на заднем дворе, забор невысокий, а значит, дети быстро перелезут к соседке.

Она остается во дворе и ждет, когда партизан выведут на улицу. После того как дети ушли из дома, ей стало намного спокойнее, и теперь она просто смотрит на дверь, страстно желая, чтобы все поскорее закончилось. А еще Гён Ран, не переставая, думает о том, как поступить.

Бывало, что повстанцы прятались в заброшенных домах. Бывало, что ночевали в летних пристройках и сараях селян, без ведома хозяев, тихо и незаметно. Там можно было оправдаться, сказать, мол, не знаем, откуда они взялись тут у нас. А с подвалом дело другое. Кто-то должен за это ответить.

Капитан Кавада выводит всех троих во двор, аккуратно вправляет своё оружие на место и поправляет форму. Словно и не спускался в этот сырой и грязный подвал.

– Хон Гён Ран? – переспрашивает он, закладывая руки за спину.

– Да, так меня зовут, – севшим от волнения голосом отвечает девушка.

– Вы должны ответить на несколько вопросов, прежде чем я выполню императорскую волю и казню этих повстанцев.

– Конечно, – кивает она.

– Кто ответственен за то, что мы здесь обнаружили? Вы или ваша мать? А может быть, ваши младшие брат и сестра? Кстати, где они сейчас?

– Я отправила их к соседке. Дети ничего не знали, они тут не при чём. Незачем им смотреть на эти ужасы, – бездумно отвечает она, глядя прямо перед собой.

Офицер Кавада с интересом смотрит на неё, и в его глазах зажигается тёмный огонек, который не сулит ничего хорошего. Он подходит к ней почти вплотную, но Гён Ран продолжает стоять на своём месте, не делая попыток сдвинуться с места.

– Что ещё за ужасы? – спрашивает он таким тоном, будто и впрямь не знает, о чём идёт речь.

– Казнь, – просто отвечает Гён Ран. Раз уж начала, зачем увиливать?

Капитан Кавада понимающе кивает и отворачивается от неё, раздавая указания своим подчиненным. Пленные уже расставлены вдоль изгороди. Все на коленях, спиной к солдатам. Скоро их не станет.

– Я смотрю, у вас, Гён Ран, характер крепкий, так что буду говорить откровенно, – серьёзно говорит Кавада, расправляя плечи и крепче сцепляя руки за спиной. – Мы могли бы попытаться их, перед тем как убить, ведь нам нужна информация об их поделщиках, но, к сожалению, слишком многие партизаны умирают под пытками, так ничего и не сказав. А ещё печальнее то, что крестьяне укрывают преступников, несмотря на суровое наказание. Так что, обязан сообщить, что эти мужчины умрут легкой смертью, коей, конечно же, не заслужили. А вы и ваша мать отправитесь в штаб, где будете подвергнуты допросу. Женщины проще выдают секреты, да и вашим соседям будет неповально прятать в своих домах врагов страны после того как они узнают, что с вами случилось.

Он говорит так, словно смерть и пытки – дело решённое, хотя, наверное, так оно и есть. Гён Ран хмурится и на миг задерживает дыхание, дабы не сорваться на крик.

Пока она думает, Кавада отдаёт краткое, почти безразличное распоряжение, и солдаты одновременно разряжают свои ружья в спины только обнаруженных «врагов страны». Гён Ран вздрагивает, как ужаленная. Как несправедливо. Все мучения, предназначенные для них, теперь выпадут на ее долю.

– Мать ничего о них не знала, – спокойно говорит она, после того как рассеивается пыль и пороховой дым. – Это всё моя вина.

– Ваша мать – сочувствующая, и всем это известно. Мы ведь не случайно зашли именно в ваш дом, – холодно отвечает Кавада.

Гён Ран смотрит на то, как мертвых мужчин сваливают в кучу, словно грязное бельё, которое уже никогда не выстирать и остается только выбросить на помойку. Их чёрные лица застыли, а глаза без малейшего выражения глядят перед собой. Никто из них не зажмурился, принимая имперские пули в спину. Гён Ран становится жутко, но она продолжает:

– Вы ведь не в первый раз приходите с обыском? – всё ещё не отводя глаз от погибших, говорит она. – Прежде в этом доме никого не находили, потому что меня здесь не было. Я привела их вчера ночью, когда мама и младшие спали.

Офицер Кавада уверенно кивает, и подает ей руку:

– Тогда вам придётся пройти со мной.

Такой долгий допрос способен из кого угодно душу вытрясти. Гён Ран уже сбилась со счета, сколько раз ей задали один и тот же вопрос на разные лады. Какой смысл? Она ведь всё равно ничего не знает, так что даже лгать не приходится.

– Как вы связались с повстанцами? – устало спрашивает худощавый японский секретарь. На носу у него поблескивают круглые очки.

– В лесу. Просто нашла, пока ходила за травами.

- Что они вам рассказали о своих планах?
- Ничего.
- Они упоминали кого-то ещё?
- Нет.
- Они говорили с вами?
- Нет.
- Кто ещё из селян может прятать повстанцев?
- Не знаю.
- Вы лжёте нам.
- Нет.
- Тогда скажите правду.
- Я ничего не знаю.
- Как же вы тогда связались с повстанцами?
- Случайно нашла в лесу.
- Но ведь они наверняка прятались, верно?
- Я уже не помню. Я собирала травы и увидела их.
- Что они вам сказали?
- Мы почти не разговаривали.
- Вы слышали какие-нибудь имена?
- Нет.
- Кто-то из соседей видел, как вы вели их к себе домой?
- Нет, это было ночью, все спали.
- Вы ночью ходили в лес?
- Нет, я нашла их ещё днем и договорилась, чтобы они дождались ночи. Я пообещала вернуться.
- О чём ещё вы с ними говорили?
- Больше ни о чём.
- Они говорили, как их зовут?
- Нет.
- И вы не признали в них никого из знакомых?
- Нет.
- Но, как же вы заговорили с незнакомыми мужчинами? Тем более, одна, да ещё и в поле.
- Это было в лесу.
- И что вам понадобилось в лесу?
- Целебные травы для моей сестры.
- А партизаны что, прятались как раз в тех местах, где растут целебные травы?

Ей не дают пить. Ей не дают спать. Ей не дают ходить в туалет.

Гён Ран дремлет прямо на полу холодной камеры, дожидаясь, пока охранник, проходя мимо её двери, проведёт железным прутом по металлическим решеткам, извлекая из них тошнотворный вибрирующий звук, который снова вернёт её к бодрствованию.

Трупы так и остались лежать во дворе. Что толку от того, что она отослала детей к соседке? Всё равно, они вернуться и найдут мертвых людей в своём дворе. Какая травма для неокрепших детских умов.

Впрочем, это уже произошло. Ещё вчера. Или позавчера. Мать наверняка уже позаботилась о том, чтобы бедолаг схоронили где-нибудь в лесу. Там, где она, эта незадачливая Гён Ран, и нашла трёх здоровых мужиков-повстанцев. Ей так часто пришлось говорить одну и ту же легенду, что она почти поверила своим словам.

Мать позаботится о них. Хон Ёнг Хи всегда тем и славилась, что могла выдержать и мужскую и женскую работу. Справлялась же она эти два года, пока Гён Ран училась в Сеуле, сможет и сейчас вытянуть ляжку, пока Мин Хо не исполнится лет шестнадцать. Тогда он пойдет работать на поле, а мать будет следить за домом.

Ей так хотелось, чтобы Мин Хо тоже пошёл учиться. Сколько денег мать и отец отложили на первый год учебы для Гён Ран? Пустые растраты. Пропадают эти деньги. Пропадают прямо сейчас, на сыром полу грязной камеры. Вместе с упрямицей Гён Ран.

Ладно, жаль, конечно, но лучше пусть мать останется с детьми. Она знает, что делать.

«Я хочу, чтобы мои братик и сестрёнка дожили до конца этой проклятой войны, и только-то».

Офицер Кавада больше не появляется. Он доставил её сюда, вручил близорукому секретарю, а сам удалился. По обрывкам японских фраз Гён Ран поняла, что ему пришлось отправиться в Японию. И зачем ей это нужно? Она и японского толком не знает, к чему прислушиваться к чужим разговорам?

Гён Ран ждёт, когда ее начнут бить. На последних месяцах учебы она немало слышала о пытках, придуманных японскими оккупантами. Из застенков живыми не возвращаются.

С ней по-прежнему только беседуют. Три раза в день. Вместо еды, что ли? Про еду она уже стала забывать. Ей и пить-то всего один раз в день дают.

Сегодня секретарь молчит, глядя на бесконечные записи допросов. Одно и то же гоняют по кругу. Не надоело?

Так и хочется спросить его: «Ну, когда уже начнем?». Гён Ран даже улыбается, сдерживая безрассудный порыв. Пока не бьют, лучше не напрашиваться.

– Ваша мать хотела вас навестить, – начинает говорить секретарь. Его голос звучит равнодушно, словно он говорит о том, что к вечеру обещают дождь.

Хотя, в такую жару о дожде обычно говорят с воодушевлением. Гён Ран снова улыбается и заводит прядь длинных волос за ухо. Она уже с неделю не мылась и даже самой себе противна.

– Разумеется, ей отказали. До возвращения капитана Кавады мы не можем убить вас, но и поблажек делать никто не собирается. Вы меня слышите?

Он поднимает голову, и на его круглые очки падают зеркальные белые блики, скрывая глаза. Гён Ран тихонько кивает. Когда во рту пересохло, и говорить не хочется.

– Не понимаю, к чему этот карнавал. По-моему, это очевидно, что предательница – ваша мать.

Началось. Снова лес – ночь – имена – соседи.

– А когда вернётся капитан Кавада? – положив локти на стол, спрашивает Гён Ран.

Секретарь качает головой, предпочитая отмолчаться. Если он и удивлен такой наглостью, то ничем этого не показывает.

– Не могли бы вы послушаться его и казнить меня ещё до его приезда? – опьянев от своей нахальности, несётся вперед, закусив удила, Гён Ран. Всё лучше, чем одно и то же. Хотя какие-то эмоции.

– Без пыток нельзя. А пытать будет только капитан Кавада, – всё так же безразлично отвечает секретарь.

Глава 3

Капитана Кавады не видно ещё два дня. За это время Гён Ран успевает почти обезуметь от однообразия и беспросветности тюремной жизни. Охранник по-прежнему не даёт ей уснуть всю ночь напролет, но она сумела найти выход из ситуации, успевая поспать в течение дня. Все эти дни на дворе стоит густая вязкая жара. В камере воздух совсем горячий, хотя полы по-прежнему холодные. Гён Ран рассеяно вспоминает о том, что ей говорила куратор.

«Без особой подготовки резкие температурные перепады могут вызвать большие осложнения со здоровьем».

Внешний замок тяжёлой двери резко щелкает, и девушка поднимается с пола, натягивая подол платья на колени. Если так будет продолжаться и дальше, ей станет безразлично, чем она может просверкать. Всё равно никому и в голову не придет насиловать такую грязную и липкую девицу. Длинные волосы заплетены в неаккуратную косу.

Гён Ран ожидает, что в комнате покажется охранник, но на пороге возникает идеальный силуэт капитана. Ноги на ширине плеч, пояс туго затянут на талии, сапоги, как всегда, начищены до блеска. Пропали он пропадом, проклятый Кавада, с которого всё и началось. Он стоит так, словно готовился к встрече с ней и специально напустил на себя такой важный вид. Руки за спиной.

– Хон Гён Ран? – чётко выговаривает он.

– Да, так меня зовут, – снова отвечает она.

Сколько можно задавать одни и те же вопросы? Гён Ран хмурится и смотрит на него исподлобья. Густая чёлка на левый пробор закрывает глаза, но Кавада, должно быть, чувствует её враждебность.

– У меня для вас новости, Гён Ран. Только для начала вам нужно пройти со мной.

Даже за эту учтивость Ген Ран хочется сделать ему что-нибудь плохое. Зачем притворяться, если через пять минут все равно начнешь хлестать по спине вымоченными бамбуковыми стеблями? Она закусывает губы и поднимается с пола, тщательно следя за тем, чтобы грязное платье не открывало больше, чем положено. Она ещё не дошла до того состояния, когда человеку всё равно, как он выглядит.

Коридор с низким потолком и необработанным бетонным полом ей знаком, но привыкнуть к нему она не может. Даже сейчас, когда она в очередной раз шагает в допросную, Гён Ран презрительно морщится и облизывает сухие губы. К её удивлению, обыкновенная камера остаётся позади, а капитан идёт дальше. Дойдя до конца коридора, он кивает ей на крайнюю дверь, по-прежнему держа руки за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.